

Стеклодув

Автор:

Елизавета Прибой

Стеклодув

Елизавета Прибой

Окружите себя громадными зелеными полями, деревенским воздухом и запахом свежих овощей. Вы уже слышите ржание лошади, веселые крики фермеров и тархтение грузовичков? А чужие мысли о том, о чем никто не любит думать, их вы тоже слышите? Олеся слышит. И она знает, что доверить эту тайну можно только одному человеку. Связанным детской клятвой, им предстоит пережить потери, выбрать свои пути и доказать право по ним идти, бороться с чудовищами в сердце и пытаться сохранить друг друга. Думаете, у них получится? У вас бы получилось?

Этот рассказ написан с надеждой,

что где-то между его строк мы все сможем кого-нибудь отыскать.

Я – своих друзей, а вы – ваших.

Пролог

Однажды, когда мне было шесть, я во всю прыть катилась на велосипеде по кочкам между полями, надеясь обогнать закат и оказаться дома раньше, чем коварные сумеречные тени отужинают моей душой. Вечер покидал наш маленький, затерянный сельский городок, и я знала – ночь идет! Её щупальце

извивалось рядом с задним колесом моего велосипеда, а сверчки – её вестники – уже во всю отбивали приветственный марш.

И вдруг среди этой наползающей черноты я увидела свет костра, прямо как видят путники в фантастических книжках. Он был далеко от дороги, где-то за кустами, куда вела тонкая, почти неразличимая тропинка. Этот огонек звал меня, и я, бросив велосипед на обочине, пошла, хотя, честное слово, я была самым трусливым ребенком на свете. В конце тропинки громоздился самый обычный шалаш из старой простыни, подвешенной к ветке, и ярко пылающий перед ним костер. Мы с папой тоже устраивали такие домики под деревьями на заднем дворе или ещё где-нибудь.

– Эй! – крикнула я, но мне не ответили. Тогда я вошла. Внутри земля была тщательно выстлана сеном, покрывалом и подушками, на которых лежал большой серебристый фонарь и книга с загадочным для меня названием «Путешествие к центру земли». Да, я умела читать.

– Ты чего орешь? – спросил меня голос, и я сначала что было мочи завопила от неожиданности, а только потом обернулась.

И в этот миг – запомните его! – наши судьбы встретились. Так началась моя теплая привязанность к одному из самых удивительных людей, когда-либо встречавшихся на моем жизненном пути, и урок, которому я дала себе обещание учить каждого, кто только пожелает слушать. Но в тот момент маленькая шестилетняя трусливая я этого не знала, передо мной стоял просто мальчик лет девяти с охапкой веток в одной руке и ещё одним здоровенным фонарем в другой, слепя светом мне глаза. И мы ничего, ничего ещё не знали.

1

Меня зовут Олеся, а его Ян. Я выросла здесь, в окружении леса и полей, в небольшом и далеком, но душевном городке. А он родился на окраине столицы, и сюда они с отцом приехали, чтобы найти спасение не только от смога и наступающей индустрии, но и от смерти, висевшей над их домом с момента кончины матери Яна несколько лет назад. Мои родители были врачами, а его отец продал сеть автомастерских и планировал основать фермерское хозяйство,

как и его родители когда-то. К слову, у него это отлично получилось. Я умела любить людей и имела по другу едва ли не в каждом дворе, а Ян предпочитал людям книги, лошадей и собак. И, наконец, я могла слышать, когда другой человек думал о смерти, а Ян умел силой воли управлять эмоциями окружающих людей. И каждый из нас хранил свой секрет от всего мира, от всего огромного мира, кроме друг друга.

Наши детские жизни были разными. Я – непоседливая, прямолинейная и эмоциональная, в любой компании сходила за свою и очень гордилась дружбой с мальчиком на целых три года старше. Ян – чужой среди детей наследственных фермеров, спокойный, скрытный и любопытный до недетских вопросов, интересовался местным обществом чуть меньше, чем оно им. И за такое невнимание местная детвора, как это водится, частенько отделявала его до кровавых соплей.

Один из таких дней стал по-настоящему памятным. Вот уже года три мы были не разлей вода, и в тот раз я услышала голос Яна сквозь открытое окно дома лучшей подруги, у которой гостила. Он кричал, и кто-то ещё рядом с ним кричал, и я, выхватив из стоявшей на столе кастрюли с супом огромный половник, тоже закричала, выскакивая на улицу прямо через низенькое террасное окно. За хлипким деревянным забором трое здоровенных мальчишек прижали прямо животом к земле моего побитого друга. Один, светловолосый, сидел на нем, заломив руки за спину, а двое других сидели рядом на корточках. С визгом, который мог бы дать фору пожарной сирене, я подлетела к первому парню и с размаху опустила ему тяжелый металлический половник на голову. Со протяжным стоном он схватился за голову и сполз со спины Яна. Другой мальчишка, выкрикивая проклятья, тут же подскочил ко мне сзади, отобрал грозное оружие и скрутил за спиной руки. Третий снова прижал к земле Яна.

– Не трогайте его! Он мой друг! Не трогайте! – орала я, извиваясь и пытаюсь укусить державшего меня парня за руку.

– Ах ты... – сказал первый мальчишка, успевший очухаться от моего сокрушительного удара, и извергший из себя такие слова, которых я знать не знала. Ян крикнул что-то невнятное, но тут же получил удар ботинком в бок.

Светловолосый мальчишка подошел ко мне, и, низко наклонившись, сказал:

– Раз вы друзья, хочешь, тоже накормим тебя землей? Все должно быть поровну!

И, хотя у меня на голове даже волосы зашевелились от страха, землей меня в тот раз не накормили. На мои вопли прибежала подруга вместе со своими родителями, и мы были спасены. Хотя злость во мне кипела ещё долго – оказалось, эти парни решили проучить Яна не за что иное, как за дружбу с малолеткой, то есть со мной.

Моя мама – уже в то время лучший педиатр в округе – щедро обмазала его зеленкой, заклеила и забинтовала, а затем мы отправились к Яну домой и забрались прямо на крышу высокого сарая, откуда были видны наши необъятные зеленые фермерские просторы. Мы сидели на самом краю и болтали ногами в воздухе.

– Ты мог бы сказать им, что общаешься со мной из жалости, или потому что папа заставляет. И они, может быть, не стали бы с тобой драться.

– Не мог бы. Во-первых, это неправда, а во-вторых, по отношению к нашей дружбе это было бы нечестно.

– Все лучше, чем быть битым.

Он строго посмотрел на меня.

– Это тебе все лучше, потому что ты девочка. А я – мужчина, и я не должен отказываться от своих друзей даже на словах.

– Даже если они захотят тебя убить?

Ян посмотрел на меня еще строже. Он встал, отошел от края, положил руку на сердце и торжественно сказал:

– Лося, – такое ласковое прозвище дал мне Ян за упертый характер, – обещаю тебе каждую минуту жизни гордиться дружбой с тобой, и никогда от неё не отказываться, даже если кто-нибудь захочет меня за это убить.

От такого драматичного поворота событий я вылупила глаза, а потом вскочила и тоже положила руку на сердце (правда, я тогда думала, что сердце справа – так что, получается, не совсем на него).

– Тогда я тоже обещаю всю жизнь гордиться и никогда не отказываться! И не потому что я мужчина, а потому что я так хочу!

Итак, в тот день мы спустились с крыши сарая скрепленные обещанием, которое не каждому в жизни посчастливилось дать. Дом Яна стоял вдали от города, поэтому до самого горизонта раскинулось поле, над которым витал душистый запах осенних трав. Я слышала ржание лошадей и мычание коров, видела, как курица стремительным галопом несется через весь двор, преследуемая неуклюжим щенком. У нас был еще целый вечер, мы могли пойти гулять на реку и ловить лягушек, или пленить эту курицу и попытаться уговорить её срочно выдать нам яйцо, или выпросить разрешение покататься верхом – вся жизнь, большая и прекрасная, сосредоточенная в этом маленьком дне и лежала сейчас у наших ног. И мы ещё не чувствовали, что наше детство уже начало сдавать позиции.

Мне было шестнадцать, а Яну девятнадцать, и нам понадобилось много мужества, чтобы пережить этот год. Отец Яна неожиданно заболел и умер в самом начале зимы, оставив ему ферму и породистых жеребцов. Помогая отцу, Ян занимался делами фермы с тринадцати лет и теперь мужественно справлялся и с ними, и с собой. Виделись мы реже, потому что звучавшие в его голове размышления о смерти приводили меня в отчаянье, и от бессилия я то и дело начинала плакать и заводить «ободряющие» разговоры, что жутко его раздражало.

А спустя три месяца свежим мартовским школьным утром я со свойственной мне эмоциональностью ругалась с девочкой по имени Алиса из-за чего-то, как нам тогда казалось, очень важного. Та самая, чьи родители несколько лет назад выручили нас с Яном, она с рождения была моей лучшей подругой. И единственный раз в жизни с моего собственного языка сорвались слова, которые я сотню раз слышала в её мыслях и ненавидела всей душой. Лучше бы набраться

смелости и избавить от себя мир, раз жизнь ей так не мила – вот что я тогда сказала. И знаете, тем же вечером она последовала этому совету, закончив свою жизнь на дне широкой местной реки, где мы частенько купались летом.

– Я должна была сказать, что люблю её и хочу, чтобы она осталась жить. Я должна была так сказать, потому что это правда, – слова вырывались из меня сквозь рыдания, как в припадке сумасшествия я повторяла их снова и снова. Мне казалось, если продолжать говорить, то эта страшная реальность исчезнет. Иначе потолок моей комнаты вот-вот обрушится и похоронит меня под обломками глубочайшего раскаяния.

Ян гладил меня по спине, он не соглашался и не спорил. Исходившие от него запахи табака, меда и конюшни больно впивались мне в мозг, словно наказывая за то, что я могу их ощущать.

– Что именно ты чувствуешь? – спросил он, когда я подняла опухшие затуманенные глаза. Мне потребовалось очень много времени, чтобы подобрать всего два слова.

– Вину и отчаянье.

– Вину и отчаянье, – пробормотал он и достал из кармана что-то маленькое. – Что из этого тебе бы больше хотелось убрать?

– Вину. Но её я должна чувствовать, я хочу её чувствовать. Потому что...

Ян разжал кулак и показал мне маленького щенка из темно-желтого стекла, который сидел, подняв морду. Он взял мою ладонь.

– Тогда вину оставим. Я дам тебе эту собачку, и отчаянье пройдет. Наверное. Ну, я не уверен, что получится.

Я знала, что ощущаешь, когда Ян изменяет твое чувство. Но таким способом он не делал этого ещё никогда. Я сильнее раскрыла ладонь. Ян очень осторожно, затаив дыхание, поставил фигурку, я обвила её пальцами, и он коснулся моей руки. И, могу поклясться, будто сама природа дотронулась до моего сердца – спустя всего миг боль начала уходить. Она не пропала моментально, будто бы

растворившись, но пережитое отчаянье отступало и оставляло след, как волна оставляет мокрый песок. Плакать больше не хотелось, мелкая дрожь и жар спадали, а истерично бившееся в груди сердце начало ровно и размеренно отстукивать свой ритм. В голове гулял легкий холодок, обдувая то, что осталось – чувство громадной и осознанной вины.

– Получилось, – не сумев скрыть удивления сказала я, – как ты... это сумел? Что мне теперь делать с этой штукой?

Щенок у меня на ладони, обычная стекляшка, начал издавать легкое, едва уловимое свечение. Будто бы у него внутри заперли малюсенький фонарик. Ян взял его и поднес к своим темно-карым глазам, пытаюсь увидеть источник этого света.

– Как бы это сказать-то... Раньше, чтобы изменить чью-то эмоцию, мне нужно было понять её, а затем дотронуться до человека и как бы втянуть её в себя. А чтобы дать эмоцию, наоборот, вызвать в себе и вселить в другого человека, чтобы она прижилась. А когда мы сделали в школе этих малышей, я подумал – что, если использовать их как посредников? Эмоция или чувство похоже на поток энергии, и, если направить его не в себя, а в другое место, мне будет необязательно все время переживать эмоции других людей. Не знаю точно, как это работает... – спохватившись, он посмотрел на меня, – прости, лучше обсудим это в другой раз.

– Нет-нет, я поняла. Все же получилось, спасибо, – я забрала у него щенка и повертела в руках. – Раньше ты говорил, что вернуть эмоцию можно только снова пережив то, что к ней привело? А теперь, если я разобью это, то она вернется?

– Думаю, нет. По крайней, мере раньше вернуть эмоцию обратно я не мог.

Спустя два дня были похороны. Вереницы людей в черной одежде и с мрачной тоской на сердце тянулись в сторону кладбища, и я была среди них. Шагала рядом с матерью, спрятав за волосами лицо, ни на кого не смея поднять глаза. По правде сказать, освободившись от захлёстывающего мозг отчаянья и много часов обдумывая свои слова, я пришла к новой, спасительной мысли. Я не хочу оправдаться, наоборот, я обязана жить со знанием, что любое мое слово и действие – часть жизни другого человека, и я несущу перед ним ответственность. И

все-таки не я её убила.

Смерть состоит не из слов, а из звуков. В далекий гул сливается прощальная речь. Вдох, шаг, шелест рукава – тихие свидетели продолжающегося течения жизни, такие неуместные в эту минуту. Рвущимся эхом отдается в мозгу каждый заколоченный в крышку гроба гвоздь, как дьявольское напоминание итога, к которому неизменно приходит любая человеческая жизнь. Глухие удары горстей земли о дерево. И, наконец, вечный и зовущий скрип ствола и шелест кроны – тихий шёпот природы. Он звучит здесь прямо сейчас, будет звучать, когда и мы стройными рядами ляжем в землю, и когда не останется в этих краях ни одного человека. С такими мыслями провожала я свою подругу в путь, который она избрала.

– Знаешь, сколько раз я видел Алису, мне всегда казалось, что жизнь слишком тяжелое и безрадостное для неё занятие. И ставлю на то, что она бы не согласилась расстаться с этими чувствами, как бы я ни старался. – Мы с Яном медленно тащились к его дому. Весна, совершенно не озабоченная нашим горем, звенела в полную силу. Он размахивал пыльной рабочей курткой из стороны в сторону, а я скинула мучившие мои ноги туфли и брела по пыли босиком. Ян встретил меня после церемонии – на похоронах его не было. Во-первых, его там не ждали, а во-вторых, он терпеть не мог большие скопления людей, особенно если все они одновременно плакали. Похороны собственного отца стали для него настоящим социальным кошмаром.

– Это ты так себя утешаешь?

– Нет, это я так тебя утешаю. Это ведь не то решение, которое можно принять вечером за чашкой какао. Она шла к этому, и шла долго, и, я думаю, по-настоящему хотела умереть, – он замолчал, но спустя секунду его голос снова раздался. В моей голове. Я сосредоточилась, различать мысленную речь сложнее, чем настоящую. Обычно, люди думают сбивчиво и быстро.

«Никто в этом не виноват, – подумал он, – люди не умирают, потому что хотят на тот свет, они умирают, потому что ничто не держит их на этом. И мы не вправе...» Мысль оборвалась, как только Ян отвлекся на раздавшееся справа громкое протяжное кряканье. Наверное, в этот момент он тоже о чем-то подумал, но никаких других мыслей я, к счастью, услышать не могла. Прямо перед нами протопала здоровенная серая утка, а за ней по пятам, неуклюже переваливаясь, три смешных детеныша. Мы проводили их взглядами, и

размышления Яна о жизни и смерти зазвучали снова, на этот раз вслух. Когда человек говорил вслух, его поток мыслей ослабевал, и я могла не обращать на них внимания.

– Человек чертовски одинок в мире. И даже те немногие любяще люди, которых мы можем назвать близкими, начинают бороться с нашей волей, стоит ей разойтись с их собственным миропониманием. Конечно, это важно, указать человеку верный путь, если по-твоему он ошибается, однако... понимаешь, если он хочет ошибаться, разве не священный дружеский долг поддержать его в этом?

Ян обладал потрясающим талантом не только создавать и разрушать чувства, но и облекать их в слова. Алиса не приходилась ему никем, и он не мог понять все, что было теперь у меня на сердце, но Ян делал очень важную вещь – он пытался. Я остановилась, посмотрела ему прямо глаза и положила руку себе на сердце (на этот раз я знала, где оно находится).

– Ян, на правах человека, считающего себя твоим другом, хочу торжественно пообещать, что всегда приму любое твое обдуманное решение, невзирая на то, согласна я с ним или нет.

Ему понадобилось всего три секунды, чтобы выплюнуть окурочек и обдумать ответ.

– Я обещаю тебе то же самое, Лося, мой друг.

И жизнь двинулась дальше, оставляя позади наши непростые подростковые годы. Мы шли, а за нашими спинами заливались птицы и распускались цветы, украшая мир, который мертвые уже не увидят. Так моя безвременно почившая подруга позволила мне впервые заглянуть в глаза настоящему желанию смерти. Я пристально разглядывала его, пробовала эту мысль на вкус, в шутку примеряла на себя. Я и не заметила, как мысль, которую я так ненавидела слышать в чужих головах, стала частым гостем в моей собственной, составив отличную компанию угнетающему ощущению, что я никогда не смогу быть похожа на обычных, «ничего не слышащих» людей.

Я медленно и сосредоточенно царапала кончиком острого ножа по шершавому дереву. В комнате было душно и сумрачно. Над рабочим столом Яна горела лампа, а из печи, которую он открывал, вырывался яркий свет. Я сидела за маленьким столом у окна, недалеко от старого деревянного шкафа, наполненного готовыми фигурками. Стол был почти единственной нерабочей поверхностью в мастерской – здесь Ян рисовал или вырезал из дерева модели будущих особенно сложных фигур, небрежно втыкая острые инструменты прямо в столешницу из мягкого дерева. Она носила шрамы воспоминаний – рядом с глубокими дырками извивались тоненькие линии нацарапанных мной звезд, сердечек и тучек, а в правом углу торжественно сиял след от слишком горячей чашки какао. За это я так безумно любила этот стол, этот дом и самого Яна – они умели бережно собирать и хранить теплые воспоминания о таких уютных вечерах, как этот, когда я могла спокойно пить какао, слушать, как захлопывается дверца стекловаренной печи, как с грохотом Ян кидает на длинный железный стол инструменты и как набирает в легкие воздух, перед тем как дуть в длинную стеклодувную трубку.

Он делал небольшую партию аквариумов, заказанных уже неделю назад. Обычно для изготовления партий он нанимал помощника – смышленого семнадцатилетнего парня по прозвищу Кук, но сегодня у того заболела сестренка, и Ян решил с десятком аквариумов справляться самостоятельно. Семь из них уже покоились в сушильной печи.

Мастерская, со всем наполнением, была последним подарком отца. В этом году мне исполнилось восемнадцать, значит, с его смерти прошло уже два года. Они пролетели пулей, хотя, кажется, дни тянулись до отвращения медленно. Отец Яна, будучи человеком мудрым и умеющим отлично вырастить и выгодно продать почти все что угодно, скорей всего, понимал, что сын никогда не полюбит ни ферму, ни разводимых на ней породистых лошадей так же сильно, как любил он сам. Так что лошади и морковки стали для Яна работой, а стеклянные фигуры – настоящим призванием.

– Хорошо, что ты выращиваешь лошадей. Они уезжают отсюда не умирать, а жить, – сказала я, нарушив ритмичную симфонию звуков работы. – Я сегодня видела, как одна из коров на ферме Толстого Бычка протаранила ограду и убежала в поле, а, добежав до реки, плюхнулась в воду и поплыла, только бы не уезжать на бойню. Ты когда-нибудь видел, чтобы корова плавала? – я смотрела,

как Ян сосредоточенно полировал край аквариума.

Наш городок был центром особой фермерской зоны, которая раскинулась на километры вокруг и славилась качеством товара. Убегающие к горизонту ровные грядки моркови и капусты, мирно пасущиеся животные, тарахтящие на ухабах грузовички – рай городского жителя и милая обыденность для нас. И глубоко мной презираемый Толстый Бычок – фермер, получивший свое прозвище за тяжелый характер и особую упитанность выращиваемых им животных. Одному богу известно, чем он их кормил, но я, с юношеских лет не евшая мясо, свято верила, что в аду для него приготовлено такое же жаркое место, как эта стеклодувная печь.

– И что, поймали её?

– Нет. Говорят, она выплыла на каком-то островке и прячется там. А если к ней приблизиться, прыгает в воду и уплывает на другой край. Мне иногда кажется, что, если бы людей тоже мог кто-нибудь съесть, они бы любили жизнь гораздо больше. Один тип, который ходит к моему папе на уколы, все время в деталях продумывает, что будет, если он разобьет на лестнице голову или его собьет машина. Один раз даже воображал, как за ним гонится здоровенный бык. Вряд ли он правда хочет умереть, но это так мерзко – мои родители его усердно лечат, а он только размышляет, как бы свести их старания на нет.

– Ты принимаешь это очень близко к сердцу, едва ли он станет специально прыгать с лестницы или дразнить быка.

– Какая разница. Вокруг столько полезных занятий, а все то и дело думают или о том, как они смерти боятся, или о том, как они её хотят. Почему именно я должна жить со знанием всего этого, почему кто-нибудь другой не родился с умением слушать всю эту мерзость? Ты знаешь, что Толстый Бычок никогда не думает, как именно умрут его коровы? Ни разу не слышала.

– Лося, – протяжно и ласково сказал Ян, отправляя очередной аквариум в сушку, – во-первых, насколько я помню, ты и сама любишь об этом подумать и поговорить. А во-вторых, смерть – необходимая часть жизни, люди не могут не думать о ней, и каждый делает это в меру своей... испорченности. А ты родилась такой и такой тебе жить. Скажи ещё сто раз, как тебе тяжело – все равно ничего не изменится, бессмысленно тратить силы, требуя от природы вселенской

справедливости. Возьми то, что она тебе дала и сделай с этим в жизни, что можешь, как ещё? – Ян вздохнул, смотря на мою кислую физиономию. – Если мы покатаемся верхом, когда я закончу, это поднимет тебе настроение?

О да, это поднимало мне настроение. Я, оседлав молодую белую кобылу с коричневыми пятнами, неслась прямо к лесу во весь опор, пересекая большой луг. Над ним стоял запах свежескошенной травы и одуванчиков, они желтыми брызгами разлетались в стороны под ногами лошадей. Мои густые каштановые волосы выбились из-под шлема и трепетали на ветру, а стройные бедра то и дело подскакивали в слишком большом седле. Ян плелся где-то сзади, я слышала топот копыт его Атома и крики с просьбой сбавить скорость.

– Олеся! Куда ты так втопила?! – заорал Ян, когда я притормозила у кромки леса. Он привстал в седле и яростно смотрел вперед, а, догнав, тут же спрыгнул на землю, чтобы осмотреть и погладить свою лошадь. – Вредная девчонка совсем нас загонит, да, Атом?

Конь ткнулся мордой ему в плечо. Атом был первым жеребцом, с которого отец Яна начал свое дело, и попал к нему ещё жеребенком. Ян в этом черном, как уголь, скакуне просто души не чаял – с ним он впервые сел в седло, впервые прокатился галопом и взял препятствие, это была единственная лошадь, на которой мне ни разу не дозволили посидеть. Конечно, несколько раз я самовольно пыталась, но нрав Атома был круче самого отвратительного человеческого характера, он вставал на дыбы стоило подойти к нему ближе, чем на метр, а однажды даже цапнул меня за палец. Я иногда шутила, что добрых и адекватных друзей Яну иметь не суждено – ни среди людей, ни среди животных.

– Он конь, а не хрустальная ваза, ты бы лучше обо мне так заботился, – проворчала я, вылезая из седла и расстегивая шлем. Я взяла кобылу под уздцы и пошла по тропинке в лес.

– Вылетишь из седла, свернешь себе шею – буду тебе цветочки на могилу носить, – отозвался Ян, направляясь за мной. –

Спустя пять минут я увидела впереди между стволов искрящуюся воду. Это был самый короткий путь к реке – верхом, напрямик через поле. На велосипеде по дороге я обычно ехала почти в три раза дольше.

Я хорошо знала это место, а оно хорошо знало меня – здесь нечасто бывали другие люди. Плотной зеленой стеной высокие деревья обступали эту часть реки – не такую широкую, как везде, но глубокую, с прозрачной манящей водой. Течение было слабым, и над зеркально-ровной водной гладью вытягивался старый деревянный пирс с позеленевшими досками. Уже много лет к нему не швартовалась ни одна лодка и с него со звонким хохотом не плюхался в воду ни один ребенок. У самого края стоял бог знает откуда взявшийся стул, целиком обитый красной тканью, родом тоже из прошлого века. Эти два старика – пирс и красный стул – источали потрясающе-тоскливое спокойствие, хранили отпечаток наложенной на природу руки человека. Если сосредоточиться, мне казалось, можно услышать, как пирс рассказывает стулу о временах, когда никаких других пирсов в округе ещё не было, и здесь толпились дети и сновали рыбаки. О временах, когда каждый март старые деревянные доски ещё не застилали ровными штабелями ярко-красные гвоздики в память о навсегда шестнадцатилетней Алисе, которая именно здесь прыгнула в воду, привязав к себе пять булыжников.

Пирс не стал для меня местом смерти, как для всех остальных – он был местом жизни. Ни одна чужая измученная мысль не могла тронуть здесь мою голову, а мои собственные муки покорно отступали. Только здесь, здесь и нигде больше я находила в себе силы мириться со смертью – потому что, если смотреть ей прямо в лицо, всякие страхи кажутся неважными. Здесь я была свободна и спокойна.

Пока Ян возился с лошадьми, я набрала охапку одуванчиков на длинных стебельках – сегодня им уготована важная миссия стать венками – и аккуратно забралась на стул, придвинув его к самому краю и свесив ноги. Скоро Ян улегся рядом прямо на доски, и мы уставились в цветное небо, слушая первые голоса вечерних цикад. Смеркалось, по бледно-голубому небу над темными верхушками деревьев разлились акварельные лиловые и розовые дорожки, а ещё выше застыли подсвеченные прощающимся солнцем перистые облака. С каждым вдохом я чувствовала, как наполняюсь силой этих последних, слишком жарких для весны, дней мая.

– Встретил на днях брата твоего. Он сказал, ты опять разбила сердце очередного ухажера.

– Да было бы что там бить, – я наморщила нос. – Он эмоциональное бревно, не понимает ничего важного. Вот так спокойно не просидит и минуты, то захрапит, то вскочит, потому что скучно ему, видите ли. Говорит, вся эта красота природы

банальна, и я слишком её преувеличиваю.

– Нда-а-а, – насмешливо протянул Ян, достав пакет с табаком и с неудовольствием обнаружив, что тот кончился. Ян курил исключительно тот табак, который сам выращивал и сушил, с глубоким презрением относясь ко всем прочим продуктам табачной индустрии. – Снова не состоялась великая любовь, как неожиданно. Это уже третий непонимающий за год?

Это был четвертый. Когда появился первый, Ян на правах названного старшего брата очень беспокоился, ко второму отнесся уже спокойнее, а позже вообще начал смотреть на этих бедолаг снисходительно. При встрече с последним Ян дружески похлопал его по плечу со словами, что, если тому придется меня задушить, он поймет.

– Но они действительно все... странные. Правда! Они не хотят даже попытаться увидеть то, что вижу я, вообразить красивый и огромный мир. Считают и себя и меня песчинками в пустыне, которые не способны ни отличиться, ни достичь чего-то важного. От этого непонимания мне скучно и грустно.

Ян сел.

– Лося, это ты странная, а не они. Ты влюбляешься, а потом разочаровываешься, потому что не можешь переделать человека под свой вкус. Может, твой мир и красив, но с чего ты взяла, что кто-то обязан понимать это? Люди, как и ты, каждый день строят жизнь вокруг себя, возвышая в ней одно и приуменьшая другое на основе своих чувств и желаний, и невзирая на справедливость своих решений. Правда каждого из нас – только в нашей голове, а видеть мир другого человека – это значит принимать его истины. Это слишком тяжело. Ты можешь распахнуть перед человеком двери в свой мир – яркий и прекрасный, где жизнь летит, бурлит, где даже самое малое имеет свою неповторимость. Ты можешь сказать, что он достаточно удивителен, чтобы увидеть все это, чтобы понять, потому что искренне так считаешь. Но он, скорее всего, не поверит тебе. Потому что люди привыкли верить только своей собственной правде. И он предпочтет остаться в своем мирке, даже если он темный и скучный, он предпочтет верить в то, что он – один из миллиардов таких же людей, способных только к потреблению. Он скажет, что удивительность – это само собой разумеющееся в человеке, что не стоит придавать этому значение, что такая уникальность создает массовость. И, послушай, самое обидное – тебе придется это принять и оставить его таким, потому что если ты не сделаешь этого, то не будешь ничем

отличаться от него самого. Так что попытка открыть кому-то глаза – это всегда плевков в душу, прежде всего, самому себе.

Ян умел говорить потрясающе поэтично, и я безумно любила эту его способность. Я, проворно перебирая пальцами, сплетала стебли одуванчиков и думала о гениях, особенно о гениях искусства. О тех, кого не принимали, а спустя века восхищались. Я думала о том, чем мы с ним отличаемся от всех остальных людей и за что нам такая участь.

– А как же художники, писатели, музыканты... все эти люди, миры которых мы знаем и любим. Они меняют людей?

– Ну, конечно. Я думаю, искусство – универсальный язык для общения человеческих душ. Однако пробиться через твердолобость и приоткрыть завесу сказочного мира для других может лишь очень верный себе человек. Он должен бесстрашно открывать свою душу, чтобы тронуть чужую. Созидатели служат другим людям больше, чем кто бы то ни был. Они, можно сказать, в большей мере родились в рабстве у самих себя, чем любой, обреченный на потребление, и этим сами спасаются, – на какое-то время он задумался и я, воспользовавшись паузой, водрузила ему на голову цветочную корону. – Я думаю, что однажды могу перестать разводить лошадей или вести ферму. Может, я захочу стать врачом или юристом. Но стоит мне прекратить трогать чужие чувства, делать свои стекляшки – и моя жизнь перестанет иметь всякую ценность. Потому что только это по-настоящему зависящий от меня вклад, только это дает мне ощущение, что я занимаюсь чем-то необходимым, чем-то, на что по-настоящему способен.

Мои пальцы замерли, я подняла голову и окинула взглядом пейзаж, пытаюсь представить, как далеко течет эта река и насколько широко раскидывается лес. И что это за люди, которые, быть может, тоже любят на них смотреть, где и как они живут.

– Ян, но мы не сможем изменить мир. Я не смогу спасти от смерти всех, кто о ней думает, а ты не сможешь излечить каждую страдающую душу, как бы тебе не хотелось.

– Я и не хочу изменить весь мир. Я хочу изменить только тот маленький его кусочек, который есть вокруг меня. Понимаешь? – он внимательно поглядел на

меня и поднялся. – Пошли, скоро стемнеет.

Я боком сползла со стула и надела на себя второй венок, все мои ладони были в желтой пыльце. Ян привел лошадей, и я хмуро уставилась на Атома, который стоял перед хозяином и, по-моему, собирался откусить одуванчик с его головного убора. Проверив ремни и погладив коня, Ян одним махом вскочил в седло.

– Поехали обратно по дороге. Мне ещё надо теплицы закрыть и лошадей загнать.

– Поехали, – я с трудом забралась на спину слишком высокой для меня кобылы, придерживая венки. – А, да, знаешь ещё что. У меня скоро выпускной, и, пожалуйста, ты мог бы прийти туда... не так, – я наморщила лоб, обводя взглядом мятую и выпачканную в траве и земле одежду. Ян саркастично поднял бровь.

– Сделаю все, что смогу, но ничего не обещаю.

– И, Ян, там будут мои родители. Они совсем перестали ладить, и... ты мог бы, пожалуйста... ну, посмотреть, что можно с этим сделать? Это очень важно.

– Ладно, посмотрю, – и он пришпорил Атома, поскакав вперед.

3

Я повернулась левым боком, потом правым, потом снова левым. Ещё раз подтянула колготки и нервно почесала запястье вокруг маминого серебряного браслета, расправила кружево на юбке.

– Ты выглядишь... слишком строго, – четырнадцатилетний брат стоял в дверях моей комнаты и наблюдал за тщетными попытками себе понравиться. Я сильно потянула вниз черное платье, пытаюсь хоть на сантиметр его удлинить.

– Если бы можно было пойти в джинсах, я бы выглядела веселее, – я старательно нарисовала губы темно-бардовой помадой и повернулась к нему. – Ну, что скажешь?

– Будто ты позавтракала чьей-то кровью. Пошли, мы опаздываем.

Я вздохнула, последний раз посмотрела в зеркало и вышла из комнаты. Филя ещё раз критично меня оглядел и молча двинулся следом. Мама в светло-голубом платье перемещалась по дому со скоростью света, стараясь ничего не забыть. Папа на кухне смотрел новости, перед ним на столе лежал огромный букет. За утро они не сказали друг другу ни слова.

– Дети, быстрее, обуваемся. Леся, возьми букет. Филя, проверь батарею в фотоаппарате. Нам срочно нужно выезжать, – мама раздавала указания прямо на ходу.

– Машина открыта, Лесечка, вы можете садиться, – папа выключил телевизор.

Так они общались уже целый месяц – обращаясь только к нам или в пустоту, и почти никогда – друг к другу. Раньше они часто ссорились, и я считала это большой проблемой, пока однажды не поняла – настоящая проблема – это когда людям не хочется даже ругаться.

– Мам, где Ян? – я открыла дверь и нервно оглядела маленький двор, в котором не было ни одной машины, кроме нашей. – Он должен меня отвезти.

– Солнышко, он звонил, пока ты была в ванной, сказал, что опаздывает и придет прямо в школу. Садись, поедешь с нами, ничего страшного.

Мы с Филей угрюмо переглянулись, никому из нас не хотелось сидеть в одной машине с родителями. Ян прекрасно об этом знал, и во мне кипело желание его придушить.

Всю дорогу мы слушали тишину, которая заглушала даже орущее радио. В школьном дворе одноклассницы, похожие на фарфоровых кукол, со слащавыми улыбками отвешивали комплименты моему платью и уверяли в своем нежелании расставаться. «Господи, когда же я уже больше никогда вас не увижу», – думала

я, молча кивая и понимая, что с учетом размеров нашего городка – никогда. С тех пор как Алиса свела счеты с жизнью, я смогла завести только одного нового друга, которого действительно можно было так назвать – Кука, и то только потому, что мы часто виделись в мастерской Яна.

Я вертела головой, пытаюсь понять, где он сейчас может быть. Кук учился на класс младше и был обычным веселым парнем, одержимым двумя вещами – языками и путешествиями. Его мало увлекали дела семейной овощной фермы, зато он по памяти мог нарисовать карту мира с почти всеми её странами и их столицами. Его тянуло туда, в города-муравейники и на бескрайние побережья, где он сможет целыми днями говорить на трех языках, которые он учил каждую свободную минуту. И хотя Кук являлся счастливым обладателем обычного имени Денис, прозвище мы ему дали с верой в то, что однажды он тоже откроет миру какую-нибудь Америку, даже если очень маленькую. Когда его светлая кудрявая шевелюра, венчавшая худое вытянутое лицо, вынырнула из толпы, я уже стояла рядом со своей классной руководительницей, слушая её последние наставления, и просто помахала Куку рукой. Он радостно помахал в ответ.

С остальным подростковым социумом общение оставалось поверхностным – мы общались в школе, на каких-то праздниках и случайных подработках. К кому-то я иногда ходила в гости, меня звали на вечеринки, но настоящая дружба больше не складывалась. Будто бы на мне появилось ещё одно клеймо, кроме того, что я уже и так носила от рождения. Так что, кроме пары одноклассниц, мне некому было сегодня сказать, что я очень жалею о нашем расставании.

Вручение дипломов началось с опозданием почти на полчаса. Мы стояли посреди школьного двора цветной шеренгой, окруженные плотным кольцом учителей, родителей и друзей, и все они смотрели на нас. Я, словно прожигаемая десятками глаз, чувствовала себя черной кляксой на радужном листе. В голове звучали несколько слабых голосов, размышляющих о неумном и конечном течении жизни, но из-за большого скопления народа я не могла определить, кому они принадлежат и пыталась отвлечься, шаря глазами по людям в поисках моего брата и Яна. Наконец, я увидела их, Филя стоял рядом с родителями, а Ян пробирался к ним через толпу, на ходу радостно размахивая рукой. На нем была серая рубашка и черные брюки, и даже галстук – правда, он был не завязан на шее, а просто перекинут через неё. В эту минуту я вдруг неожиданно для себя осознала, как мы выросли. Высокая широкоплечая фигура Яна больше никому не внушала желания потягаться с ним в драке. Угольно-черные волосы, смуглое лицо, высокие скулы, добрый и внимательный взгляд, бархатный низкий голос

сделали из него настоящего мужчину. Только ноги за годы, проведенные в седле, стали немного колесом.

Добравшись до моих родителей, Ян поздоровался за руку с отцом и братом, а мама тут же начала что-то говорить. Церемония длилась долго, и все время, за исключением того момента, когда мне пришлось под аплодисменты прошагать через весь двор за аттестатом и вернуться обратно, я наблюдала за своей семьей. Ян долго разговаривал с мамой, в процессе они даже постепенно удалялись в сторону, я видела, как её лицо становилось то слишком спокойным, то очень печальным, и как Ян, изредка беря слово, задавал ей вопросы. Затем они вернулись на прежнее место, и Ян понемногу разговорился с отцом, потом они вдруг махнули мне и начали пробираться к выходу со двора. Мои родители любили Яна, и, хотя он был старше меня всего на три года, относились к нему скорее как к своему ровеснику, чем моему. Наши отцы хорошо дружили, и мне казалось, что после его смерти Ян стал будто бы заменой. Такой же темноволосый, спокойный и мудрый, только младше. Но я никогда не спрашивала, волнует ли его это.

– Мама! Филя! – я отпихивала людей, пытаюсь догнать светло-голубое пятно, маячащее в толпе.

– Леся! – мама схватила меня за руку, и мы вырвались из толкучки на свободное место. – Ты подарила цветы классной руководительнице?

– Подарила. Где Папа и Ян?

– Вон там, – Филя указал в сторону школьного крыльца. Ян сидел на высоких перилах и курил, а папа стоял перед ним, что-то рассказывая и глядя в нашу сторону. Заметив, что я смотрю, он замахал рукой.

Мы подошли. Ян спрыгнул с перил, взял букет белых хризантем, лежавший рядом на высоком крыльце, и шагнул навстречу, широко улыбаясь и зажав в зубах сигарету.

– Олеся, я торжественно поздравляю тебя с окончанием школы! – он протянул мне цветы. – Я даже прилично оделся, и, если хочешь, можешь сама завязать эту удавку на моей шее, потому что я не умею.

– Класс, спасибо, – я выдернула из его рта самокрутку и выбросила за перила, а потом, схватив цветы, радостно повисла на шее. Ян всегда очень крепко меня обнимал, и от него сладко пахло медом и табаком. Сейчас он так приподнял меня, что даже носки туфель не касались асфальта.

До чего же я была счастлива в этот миг, полная сомнений в себе и страхов перед огромной жизнью, я верила, что все проблемы решаемы. Из жизни уходила целая эпоха, это казалось мне безумно страшным и радостным, ведь я не видела ничего, кроме этих стен. И, главное, я очень боялась, что мир не оправдает мои надежды, что он так и не сможет заставить меня захотеть жить. Все казалось прелюдией к чему-то грядущему и настоящему. К чему-то, что вот-вот должно было случиться и изменить не только мою жизнь, но и меня саму.

Время подбиралось к семи утра, солнце уже встало, и утренняя свежесть возвещала о начале, как все твердили, «взрослой» жизни. Я сидела на лавочке перед самым приличным рестораном города и созерцала пустую дорогу перед собой. Небольшой грузовичок Яна медленно вырулил из-за поворота и остановился напротив. Я нетвердо подошла к нему, забралась в кабину и тут же громко икнула.

– О-о-о, – протянул Ян, бросив на меня быстрый взгляд, – кто-то хорошо погулял?

– Я уже почти протрезвела. У тебя есть водичка?

– На, – Ян достал из-под сиденья бутылку и протянул мне. Я сделала пару больших глотков и снова икнула. Мне хотелось о чем-то его спросить, но мысли ворочались медленно и лениво, мы проехали молча больше половины дороги, прежде чем я вспомнила.

– Ты поговорил с моими родителями?

– Поговорил.

– Ну? И как? Ты сможешь им?

Ян на ходу открыл портсигар с последней самокруткой и закурил, а потом неожиданно свернул в сторону от моей улицы.

– Сделаем кружок, хорошее утро.

– Ян!

Он вздохнул, быстро посмотрел на меня, потом снова уставился на дорогу.

– Я думаю, что не могу им помочь, Лося. Мне очень жаль, но твои родители ведут себя так не потому, что находятся под влиянием какой-то определенной сильной эмоции. Они просто давно друг друга не любят, вот и все.

– Но... если дать им какое-нибудь чувство, симпатию друг к другу, может быть, они полюбят снова? – я внимательно следила за его лицом, наматывая длинную прядь каштановых волос себе на узкий точеный нос.

– Может быть, но они не хотят этого.

– Не хотят?

– Нет. Они устали друг от друга и хотят другой жизни, других чувств. Так бывает, я не могу навязать им чувство, в котором они не нуждаются. Прости.

Я не вполне понимала, как работает его способность. Никто, кроме меня, не знал о ней, но каждого человека, на чувства которого Ян собирался воздействовать, он незаметно и осторожно спрашивал о согласии. Все происходило медленно и мягко, люди получали в подарок или за символическую цену стеклянную игрушку, а за несколько часов или дней после этого их чувства менялись. Некоторые устанавливали связь между этими событиями, но всё списывали на «прирожденный психотерапевтический дар того парня». Да и когда душа приходит в состояние покоя, мало кто задумывается, почему это произошло.

Мы затормозили около моего дома, я представляла эту тишину и редкие фразы родителей, и к горлу подступали слезы.

– Ян, пожалуйста, ты можешь хотя бы попробовать? Это же не кто-нибудь, а я моя семья, они и тебя тоже любят. Я не могу так больше жить, это невыносимо. Пожалуйста!

– Ты уже взрослая, может быть, скоро у тебя появится и своя семья. Ты должна позволить им сделать такой выбор, какой им нужен.

– Но они не понимают, нас это тоже касается! Мы с Филей живем в этом доме как в царстве нелюбви, и она там везде, понимаешь, везде! Даже когда они целыми днями орали это было лучше! – По моим щекам уже во всю ползли слезы. – Филипп все время только и говорит о том, что хочет сбежать. Мать по ночам тайком пьет и с головой ушла в работу, она и так никогда не была с нами особенно ласковой, а теперь ей окончательно плевать! А отец просто приходит домой как можно позже, а уходит как можно раньше, потому что ему не хочется здесь быть! Как я смогу оставить Филю с ними, он и так растет как сорняк в поле, когда я была в его возрасте, между родителями еще оставалась хоть маленькая капля любви!

– Лося... – Ян протянул руку, чтобы обнять меня, но я её оттолкнула.

– А ты! Ты можешь что-то исправить, повлиять на них, но тебе проще ничего не делать! Ты не понимаешь, ты никогда не жил так, твои родители умерли, но они оба любили тебя! Когда я выхожу из дома, то ощущаю себя ошибкой природы, которая должна умереть – потому что слышу, как люди думают о смерти и ничего не могу поделать с этим, а когда возвращаюсь домой, всё ещё хуже, потому что мои родители умудрились вырастить двух детей, не научившись любить ни их, ни друг друга. А тебе все равно на это, ты не хочешь пытаться сделать что-то слишком сложное!

Я выскочила из машины, громко хлопнув дверцей, и побежала к крыльцу. Ян что-то крикнул мне вслед, но я быстро отперла дверь и заскочила в дом, размазывая по щекам слезы. Сидя на полу в прихожей, я слышала, как на дороге ещё несколько минут тархтел грузовик, и только потом уехал. Дом спал, но вдруг из комнаты Фили высунулась его голова со включенными темно-каштановыми волосами, осмотрела зареванную меня и снова исчезла. Я всхлипнула и тихо побрела к себе в спальню.

Они сказали нам спустя почти две недели, в пятницу. Папа появился утром, последние два дня он не ночевал дома. Филя видел, как он уехал, но мы не знали куда. Когда я спустилась завтракать, они с Толстым Бычком сидели на диване у нас в гостиной, эти двое были давними приятелями, хотя их разница в возрасте составляла лет десять.

- Лесечка! Доброе утро, - сказал папа.

- Доброе утро, - ответила я и покосилась на уставившегося на меня Толстого Бычка. - Здрасьте.

- Леся, слушай, Аркадий Аркадьевич собирается расширять свою мясную лавку в городе и приглашает тебя поработать у него продавцом. Я знаю, ты уже устроилась на овощную ферму, но лавка ближе к дому и тебе не придется целыми днями копать в земле.

- Жалованьем не обделю, голубушка, дела хорошо идут. Ты девочка стала совсем большая, ответственная. - Толстый Бычок смотрел на меня, прищурив глаза, и его лицо походило на свиную мордочку.

- Нет, спасибо, - я развернулась, чтобы уйти.

- Лесечка, подумай! - тут же сказал папа. - На это место многие хотят.

- Ну, так возьмите кого-нибудь из них. А я предпочту копать в земле, чем быть причастной к смерти животных.

И я ушла на кухню, гордо закрыв за собой дверь. Мои родители были отличными врачами, они не понимали моего нежелания последовать их примеру, но уважали его. А я, всю свою жизнь слушая захлебывающиеся страхом смерти мысли их пациентов, мечтала только об одном - никогда и близко не подходить к больницам. Мне предоставили год на определение своего дальнейшего жизненного пути, и пока я устроилась работать на ферму к семье Кука, кем-то вроде разнорабочего. Мне нужно было высаживать саженцы, иногда собирать и

упаковывать овощи. Ничего сложного, за исключением того, что делать это всю жизнь я точно не хотела, а чем заняться в дальнейшем – не представляла. Решение этой проблемы представлялось особенно сложным, потому что большую часть времени мою голову занимали мысли о смерти, и силы уходили в основном на то, чтобы для начала просто перестать думать об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/priboy_elizaveta/stekloduv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)